

сборном пункте за селом части ожидали своей очереди и занимали определённые места в разворачивающейся колонне. На этот раз Партизанский полк шёл впереди, а в арьергарде – Офицерский с 1-й батареей<sup>87</sup>. Светило солнце. Было тепло и сухо. Проходя по твёрдой, укатанной грунтовке, о недавней непролазной грязи даже не вспоминали.

Вскоре полные оптимизма и возродившихся надежд добровольцы пересекли границу Кубанской области...

## 6.4. На Кубани

### 6.4.1. Февраль. Размежевание

Для того чтобы понять, с каким противником предстояло столкнуться Добровольческой армии и что её ждало на Кубани, необходимо хотя бы вкратце остановиться на ситуации, сложившейся в области к концу февраля (началу марта) 1918 г.

Кубань с пугающей точностью повторила путь, проделанный ранее Доном. События развивались, будто скопированные с одних и тех же матриц.

Едва Екатеринодара достигли слухи о победе Февральской революции в Петрограде, из числа членов Городской Думы и различных либеральных организаций организовался Екатеринодарский Городской Революционный Совет, который путём кооптации выделил из себя Областной Исполнительный Комитет, руководимый исполнительным бюро в составе пяти человек<sup>88</sup>. Вновь назначенный «начальник городской полиции» Симановский прибыл к Наказному атаману Кубанского войска

---

<sup>87</sup> На рассвете дивизион Глазенапа был направлен Корниловым в сторону села Белая Глина для демонстрации последующего движения Армии якобы в восточном направлении и отвлечения внимания противника от реального маршрута на юго-запад.

<sup>88</sup> Под председательством директора войсковой реальной школы, члена партии кадетов кубанского казака В.В. Скидана. По примеру Екатеринодара в городах, сёлах и станицах Области ускоренно формировались Советы и Комитеты с функциями местной власти.

3 марта собрание выборных от предприятий объявило себя Советом рабочих депутатов. 5 марта исполком Совета избрал президиум под председательством эсера меньшевика Д.Ф. Сверчкова.

генерал-лейтенанту М.П. Бабичу и заявил, что Атаман арестован и не вправе более отдавать какие-либо распоряжения. В обстановке всеобщей эйфории до реального ареста дело не дошло. Бабич, которому шёл 73-й год, не стал цепляться за власть и с согласия Комитета<sup>89</sup> отправился с семьёй в Кисловодск<sup>90</sup>.

Наказной атаман по традиции замещал одновременно две должности. С его уходом обязанности Атамана Кубанского войска стал исполнять Начальник Войскового штаба, а функции Областного начальника принял на себя Старший советник Областного правления. Несмотря на недовольство революционной демократии, оба они постарались сделать всё возможное, чтобы сохранить в неприкосновенности соответственно Управление Войскового штаба со штатом штабных офицеров и Областное правление с коллективом опытных чиновников.

Временное Правительство направило на Кубань сразу двух представителей-комиссаров, «от казаков» есаула в отставке, уроженца станицы Брюховецкой К.Л. Бардижа и «от иногородних»<sup>91</sup> и Черноморской губернии» екатеринодарского адвоката Н.Н. Николаева. Оба были депутатами Государственной Думы, оба кадеты. Но если Николаев не смог себя проявить на новом поприще<sup>92</sup>, то Бардиж память о себе оставил.

<sup>89</sup> Своё разрешение дал и «наместник Кавказа» Великий князь Николай Николаевич, также оставшийся не у дел.

<sup>90</sup> В начале августа 1918 г. в числе других высокопоставленных чиновников бывшей власти он был арестован и препровождён в Пятигорск. По свидетельству жены Атамана Софьи Иосифовны в ночь на 8(21) августа Бабич был вывезен за город и зарублен конвоем. По другим данным последний Наказной атаман Кубанского войска был казнён в Пятигорске вместе с остальными заложниками 5(18) октября 1918 г.

<sup>91</sup> Под иногородними в описываемый период подразумевалось всё неказачье население Кубани, за исключением горцев: «коренные» и «некоренные» крестьяне, жители городов, пролетариат, а также служащие и даже часть дворянства. В 1912 г. на войсковых землях проживало казаков – 1252827 человек, иногородних (в основном, крестьян) – 1022039. Жителей городов насчитывалось 236776 человек. Коренных крестьян – 248072. Д.Е. Скобцов определяет общую численность жителей Кубани в 3122905 человек на 1914 г.

В Черноморской губернии в 1914 г. проживало 152700 человек. Из них 74200 – в городах.

<sup>92</sup> Именно Николаев посоветовал Бабичу выехать не в Одессу, как тот первоначально планировал, а в Кисловодск. После конфликтов с городскими ра-

Не в последнюю очередь именно по его инициативе был созван и 9 апреля 1917 г. приступил в Екатеринодаре<sup>93</sup> к работе Обще-Областной съезд населения Кубани. Съехалось до 1000 выборных делегатов. После принятия резолюции о войне «до почётного мира», приступили к разрешению основного вопроса. Об организации власти в Области. Причём к Совету, Комитету, управе, тем более, к комиссарам Временного правительства отношение было самое негативное.

Нацеленность Центра на передачу власти Учредительному Собранию ни для кого не была секретом. Но до этого необходимо было «освободиться от многообразия властей» и утвердить исполнительную власть, избранную выборными от населения Области.

В Комиссию по самоуправлению Н.С. Долгополовым был внесён проект временного положения «Об Областном самоуправлении на Кубани». Проект не отличался оригинальностью. В соответствии с ним исполнительным органом оставался исполнительный Комитет, законодательным – Областной Совет. Однако членов и того, и другого властных органов предлагалось избирать на съезде по территориальному принципу. В Комитет – по одному человеку как от казаков, так и от иногородних, от каждого отдела Области. В Совет – в зависимости от численности и состава населения того или иного отдела. Общее количество депутатов Совета определялось в 90 человек. Горцы своих представителей выбирали от своей, горской фракции.

Прописана в проекте была и работа «выборной, народной власти» в контакте с властью Общероссийской, осуществляемой через Комиссара Временного правительства.

При всей стройности и здравомыслии проекта в нём заложены и существенные недостатки. Предусматривалась бочими организациями Николаев был вынужден уйти в отставку, и позже на его место был назначен социал-демократ Н.С. Долгополов, врач по образованию, бывший депутат 2-й Государственной Думы от Воронежской губернии.

Николаев же сосредоточил свою деятельность в пределах Черноморской губернии (окончательно выделилась из состава Кубанской области в 1896 г.), 24 мая Новороссийским городским Советом был от должности отстранён, а 11 июля заявил о добровольном сложении с себя полномочий.

<sup>93</sup> В здании кинематографа на улице Красной.

выборность не по деловым качествам, а по территориальной и сословной принадлежности. В процессе обсуждения Комиссия к тому же внесла ряд поправок, согласно которым в Комитете, помимо выборных на Съезде, должны были заседать представители «революционных организаций» и в первую очередь Совета. С другой стороны, казаки добились права послать в Комитет ещё по одному своему представителю от каждого отдела, дополнительно семь человек. В итоге орган исполнительной власти распухал численно настолько, что изначально становился неработоспособным.

К тому же в основном тексте ни слова не было сказано ни о Кубанском войске, ни Войсковом правительстве. Лишь в примечаниях оговаривалось право казачьей части Комитета и Совета *именовать* себя соответственно Войсковым правительством и Войсковым советом<sup>94</sup>.

В итоге Комиссия проект с внесёнными поправками приняла и провела его через пленум Съезда. В отношении организации местной власти, самоуправления отделов Комиссия сделать ничего не успела<sup>95</sup>.

Работа остальных комиссий дальше благостных пожеланий и «революционной» риторики не продвинулась. Следует упомянуть, что иногородняя часть Земельной Комиссии приняла резолюцию, в которой говорилось о том, что «кубанские иногородние отнюдь не посягают на земли казаков». Надо полагать, на данном этапе в изобильном, богатом крае всех пока ещё всё более-менее устраивало...

Любопытно, что на выборах от Екатеринодарского отдела были забаллотированы как казак Скидан, так и иногородний Долгополов. Первый был председателем пленума Съезда, второй представил проект о самоуправлении, и обоим ставилось

---

<sup>94</sup> Там же вскользь говорилось «о праве казаков на заведывание своим войсковым имуществом и... о ведении казаками своими делами». Однако ничего не было прописано о механизмах, реализацию этих прав обеспечивающих.

<sup>95</sup> Деникин утверждал, что Съезд санкционировал функционирование возникших тут и там станичных Советов. Думается, это не совсем так. Съезд за неимением времени и согласованного к ним отношения, просто закрыл на станичные и поселковые Советы и Комитеты глаза.

вину, что они «загнали казаков в примечание». Впрочем, оба были проведены в Комитет по Кавказскому отделу.

Утвердив результаты выборов и огласив резолюции, Обще-Областной съезд завершил свою работу. Однако неразрешённые противоречия, заложенные в его решениях, сказались буквально на следующий день. В том же здании для избрания дополнительных своих представителей собралась казачья часть съезда. Выполнив задуманное, казаки этим не ограничились. Они объявили себя Кубанской Войсковой Радой, избрали её президиум<sup>96</sup>, создали те же комиссии, что были и на съезде, добавив к ним Комиссию по казачьему самоуправлению<sup>97</sup>. По сути, сформировали своё, казачье Правительство. Предполагалось, что пересмотр достигнутых договорённостей может произойти уже осенью 1917 г., во время созыва следующего Обще-Областного съезда.

Рада работала несколько дней, занимаясь в основном организационными вопросами. Так, были избраны семь членов Войскового контроля, по одному от каждого отдела. Группе «ура-казаков»<sup>98</sup> удалось провести решение усилить казачье

<sup>96</sup> Во главе всё с тем же В.В. Скиданом.

<sup>97</sup> В связи с очевидным нарушением достигнутой на Съезде договорённости между казачеством и иногородними, вскоре во главе с Д.Е. Скобцовым была сформирована Комиссия по общему самоуправлению, задачей которой и являлось путём поправок сделать Временное положение об управлении Кубанской области более приемлемым для казаков, и в то же время, не противоречащим по возможности духу и решениям Съезда.

<sup>98</sup> Политические взгляды этой небольшой, но весьма активной группы казаков, возглавляемых И.Л. Макаренко, в конечном итоге сводились к тому, что лишь Войско является хозяином Кубани, и, следовательно, Рада правомочна решать любые вопросы, связанные с внутренней жизнью Области, в том числе, касающиеся и неказачьего населения. Д.Е. Скобцов упоминает о следующем курьёзном эпизоде. Когда на одном из заседаний его Комиссия представляла для утверждения Раде поправки к положению «Об Областном самоуправлении», в зал заседаний ворвались «ура-казаки», и какой-то подхорунжий, даже не разобравшись толком, что происходит, выскочил к кафедре и сразу же разрыдался: «Погыбло казацтво...». С трудом свели его под руки в зал и успокоили. Но поправки, никоим образом не ущемляющие главенствующее положение казачества в Области, а лишь допускающие участие во властных структурах представителей и от неказачьего населения, которые до этого принимались одна за другой единогласно и почти без обсуждения, отложены были на осень.

представительство в Комитете ещё семью кандидатами в его члены, которые в случае необходимости в любой момент могли бы заменить любого из семи представителей Войскового правительства в «обще-областном» органе исполнительной власти. Завершение работы Рады, в отличие от Съезда, было куда более торжественным. Для депутатов-казаков был устроен концерт с участием Войскового хора.

Всё это не могло не вызвать подозрений и пока ещё глухого недовольства у неказачьей части населения Области.

События между тем развивались своим чередом. Исполнительный комитет, раздираемый противоречиями, всё никак не мог завершить период своего организационного становления. Однородное Войсковое правительство сразу же приступило к работе. Его Председателем был избран бывший Атаман Лабинского отдела А.П. Филимонов<sup>99</sup>, которому без особого труда удалось подчинить себе аппараты прежнего Областного правления и Войскового штаба. Войсковое правительство определило местом своего пребывания Атаманский дворец<sup>100</sup>.

Ожидаемого обострения отношений между Исполнительным комитетом, в значительной степени представленным иногородними и городской неказачьей интеллигенцией, и Войсковым правительством<sup>101</sup> не случилось, так как оба учреждения поглощены были своими внутренними бюрократическими проблемами<sup>102</sup>.

---

<sup>99</sup> Следует отметить любопытный эпизод его биографии. Филимонов закончил в своё время Военно-юридическую академию и на процессе над М.А. Спиридоновой исполнял обязанности её назначенного государством защитника.

<sup>100</sup> Любопытно, что Правительство занимало лишь половину Дворца. Во второй расположился комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж. Позже в здании Атаманского дворца расположился и оформившийся, наконец, Исполнительный комитет.

<sup>101</sup> Войсковое правительство также обзавелось всевозможными комиссиями, смыслом существования которых становились бесконечные прения. Штаты его всё увеличивались, реального же выхода было немного.

<sup>102</sup> Следует отметить, что с самого начала стали проявляться первые симптомы последующей ориентации определённой части Кубанских властей к суверенитету Области. Так, получив приглашение от Союза казачьих Войск послать на общероссийский казачий съезд своих представителей, Рада деле-

На середину июня был назначен созыв Обще-Областного Совета, однако Комитет не сумел его подготовить. Основной задачей считалось введение земства на Кубани. Избранный председателем Комитета вместо подавшего в отставку В.В. Скидана, адвокат С.Г. Турутин выезжал в Петербург и вернулся с общими директивными наработками становления земства в Российских губерниях. Однако ни он, ни кто-либо другой даже и не представляли, как вводить земские институты в местных, весьма специфических условиях. Дальше обсуждения дело не пошло.

В итоге, когда 24 июня 1917 г. открылась всё же первая сессия Кубанского Областного Совета, ни Областной Комитет, ни, тем более, Войсковое правительство какого-либо проекта о переходе к краевому земскому управлению не представили. Впрочем, при всей важности этого вопроса, он во многом являлся лишь предлогом для развернувшейся с первых же часов схватки за влияние в Совете между Войсковым правительством и Областным Комитетом<sup>103</sup>, казаками и иногородними.

Острая борьба развернулась при выборах Председателя президиума Совета. От казаков баллотировался уроженец станицы Динской Н.С. Рябовол<sup>104</sup>, иногородние выдвигали присяжного поверенного Либермана. С незначительным перевесом победил Рябовол, что намечающийся раскол лишь углубило.

На этом, казалось бы, повестка сессии была исчерпана. Внятного, завершённого проекта о земском самоуправлении, глав-

---

гатов в Петроград отправила, но не предоставила им полномочий принимать от своего имени те или иные решения. На Съезде кубанцы присутствовали лишь в качестве наблюдателей.

<sup>103</sup> При этом необходимо учитывать, что в Комитете сформировалась группа во главе с И.Л. Макаренко, который земство принимал лишь при условии верховенства казачества в политической жизни Области. «Ура-казаки» оставались в меньшинстве, но были весьма активны. В то же время в Войсковом правительстве нашлось немало сторонников введения земства, и не на словах, а на деле. Тот же В.В. Скидан и особенно кубанский казак М.А. Траценко, избранный на съезд по Лабинскому отделу от иногородних, убеждали делегатов в том, что ради сохранения гражданского мира через земство следует допустить к местному самоуправлению все слои населения вне зависимости от сословной принадлежности и на равных основаниях.

<sup>104</sup> Н.С. Рябовол, так же, как и К.Л. Бардиж, выходцы из казаков, были в то же время директорами Черноморско-Кубанской железной дороги.

ного заявленного вопроса, который должен был разрешить Совет, представлено так и не было. Делегатам следовало либо разъезжаться, либо создавать соответствующую комиссию и самим выработать согласованный проект.

Но с избранием Н.С. Рябовола Председателем всё, для многих совершенно неожиданно, изменилось кардинально. Выяснилось вдруг, что за спиной И.Л. Макаренко сформировалась группа<sup>105</sup> куда более радикально настроенных казаков, которые начинали задумываться об ориентации на Украину. И Рябовол был как раз одним из них. До времени группа не заявляла о своём существовании, теперь же посчитала, что пришла пора действовать.

На утреннем отдельном заседании казачьей части Совета было внесено предложение, сводившееся к тому, чтобы вопрос о земстве с повестки дня снять. Начались бурные прения, которые ни к чему определённого не привели. Резолюция принята не была, но настроения казаков явно качнулись вправо.

Утаить всё это было невозможно. И днём на общем заседании Совета выступающие от иногородних прямо говорили о саботаже казаками введения земства на Кубани. Эти утверждения были настолько недалеки от истины, что ни «ура-казаки», ни «спилка» не решились заявить о своей позиции.

Для опровержения «злых наветов» на Войсковое пра-

---

<sup>105</sup> Группа Бескровного, так называемая кубано-украинская «спилка». Многие в группе были знакомы с Петлюрой, некоторые – его личные друзья. По понятным соображениям введение земства по образцу центральных российских губерний «спилку» не устраивало никоим образом. Приблизительно в это же время, в начале июля, в Киеве был издан II Универсал, объявивший об автономии Украины.

«Кузьма Акимович Безкровный, – писал А.П. Филимонов, – или попросту Кузьма Шептун, прозванный так за склонность ко всякого рода конспирации и за манеру отводить своего собеседника в сторону и тихо говорить с ним на ухо, был известен, как убеждённый украинофил, популяризатор украинской мовы и украинской литературы и как лицо, имеющее связь с Петлюрой и с другими украинцами. Безкровный... всё более и более уклонялся влево, кончил вступлением в группу кубанских сепаратистов и подписал в октябре 1921 года в Праге вместе с 16 другими кубанцами резолюцию об отделении Кубани от России. Безкровный по свойствам своего характера и своего темперамента не способен был ни на какое ответственное выступление, а старался прикрыться чьей-нибудь другой, более горячей и решительной головой».

вительство слово взял его Председатель А.П. Филимонов. Он заявил, что Правительство «ночей не спало, но трудилось на общую пользу и, в частности, прилежно занималось вопросом о введении земства на Кубани». Эффектным движением он вытащил из-за отворота черкески небольшой листок и зачитал написанное. Это были тезисы проекта положения «О земском управлении в казачьих областях», причём весьма демократичные. Но разработанные отнюдь не Войсковым правительством.

Осведомлённый об этом сторонник земства В.В. Скидан, желая любым путём предотвратить скандал, выступил в том смысле, что теперь сторонам следует отбросить взаимное недоверие и совместными усилиями вывести дело становления земского самоуправления на практические рельсы.

Устыдившиеся своей подозрительности иногородние готовы были пойти на уступки. Право настроенные казаки из групп Макаренко и Бескровного никак не могли переварить ловкого хода Филимонова, одним движением пристегнувшего их к решениям, против которых они столь активно внутри Правительства и выступали.

Что касается «рядовых» делегатов как с той, так и с другой стороны, то они в массе своей, судя по всему, редко вдавались в юридические тонкости, весьма подвержены были эффекту момента и в данном случае настроены были весьма благодушно.

Однако не случилось. Тут же выступил один из членов Войскового правительства Д.С. Иваненко и сказал буквально следующее:

– Тезисы, прочитанные Филимоновым, я лишь на днях привёз из Петрограда, и они ещё не были рассмотрены Правительством!

Тут же со стороны иногородних последовали ожидаемые обвинения в подтасовке и оскорбительные высказывания в адрес Филимонова лично. Казаки, посчитав, что в лице Председателя Правительства оскорблено было и всё Кубанское казачество, покинули зал заседаний<sup>106</sup>. На другой день на утреннем засе-

<sup>106</sup> По свидетельству Д.Е. Скобцова соратник Рябовола С.Ф. Манжула прокричал: «Браты казаки! Здесь оскорбляют нашего Председателя. Нам нечего тут делать...» Что и послужило сигналом к исходу.

дании казачьей части Совета умеренные сделали всё возможное, чтобы избежать окончательного разрыва, но безуспешно. Была создана комиссия «по примирению». Стороны дискутировали, обменивались делегациями, но в итоге, к согласию не пришли<sup>107</sup>. Одним из требований казаков было *пожизненное* исключение из состава Совета депутата от иногородних, допустившего нелицеприятные высказывания в адрес Филимонова. Принять его неказачья часть Совета отказалась.

Вечером 3 июля в зал заседаний, где находились одни лишь казаки, стали собираться офицеры Войскового штаба и частей гарнизона и чины Областного правления. В ночь на 4 июля в торжественной обстановке о разрыве с неказачьей частью съезда было объявлено официально<sup>108</sup>. Тут же разъяснялось, что функции Областного Совета переходят к Войсковому Совету, а органом исполнительной власти становилось Войсковое правительство. С казаками остались и горцы, что позволило впоследствии утверждать, что казачья власть *всё же* представляет большинство населения Области. 9 июля комиссар от Керенского К.Л. Бардиж заявил, что «ввиду событий в Петрограде и развала Кубанского Областного Совета, полнота власти в Кубанской области передаётся Войсковому правительству», а позднее сумел добиться «признания целесообразности» происшедшего и от теряющего почву под ногами Временного правительства.

Разрыв обусловлен был, конечно же, не только и не столько неудачным выступлением Филимонова, а куда более весомыми факторами. Десятилетиями накапливающиеся противоречия между казачьим и иногородним населением, прежде всего, в аграрном вопросе<sup>109</sup>, достигли своего апогея, и Временным

<sup>107</sup> Не лишено оснований утверждение Д.Е. Скобцова о том, что окончательный разрыв был спровоцирован руководством казачьей части Совета и лично его вновь избранным Председателем.

<sup>108</sup> Группа «умеренных» покинула зал заседаний, но это ничего уже изменить не могло.

<sup>109</sup> Всё иногороднее население официально подразделялось на три категории:

1. Коренные (22.1% в 1914 г.) – имеющие свои земельные наделы, но в среднем в три раза меньшей площади на душу населения, чем у казаков.

правительством не разрешались ни в малейшей степени. Создание и успешное функционирование власти, объединяющей все слои и прослойки общества, подразумевало компромисс. Любая договорённость на практике оборачивалась лишь тем, что Войско должно было поделиться своими привилегиями с иногородними. А этого Войсковое правительство, обладавшее, как представлялось, внушительной военной силой, желало, конечно, меньше всего.

Каких-либо потрясений непосредственно после разрыва не произошло. Стороны сохранили статус-кво. *Казачье* правительство, взяв формально в свои руки всю полноту власти, воздерживалось от каких-либо нововведений. Было даже официально объявлено, что основной задачей Войскового Совета и Правительства по-прежнему остаётся «введение земского самоуправления на Кубани». На этом политическая активность в Области на время себя исчерпала. Войсковое правительство благодушно занималось привычным делом, устраивало бесконечные совещания и обсуждение третьестепенных вопросов<sup>110</sup>.

---

2. Оседлые (46.1%) – жители городов, а также, крестьяне, имеющие в собственности жилые и хозяйственные постройки, но выстроенные на казачьих землях, выплачивающие за аренду земли немалые суммы в денежном эквиваленте (так называемая, «посаженная плата»).

3. Не имеющие статуса оседлости (31.8%) – в большинстве, собственно-стью никакой не владеющие, постоянные или временные наёмные работники.

Очевидно, что большинство иногородних, в той или иной степени, своим положением тяготилось и рассчитывало на перемены.

<sup>110</sup> Представление о «работе» Войскового правительства может дать следующий эпизод. Сразу после разрыва А.П. Филимонов вместе с начальником Войскового штаба выехали на отдых на климатическую станцию в Теберду. Исполнять обязанности Председателя Правительства остался И.Л. Макаренко (как товарищ Председателя). В это время Верховное командование проводило передислокацию войск, и по территории Кубани следовали в заданном направлении эшелоны 2-го Хоперского полка. Макаренко от имени Войскового правительства отдал приказ задержать дальнейшее следование эшелонов. Командир полка потребовал указать причину задержки и сообщил о случившемся в Петербург. Прибывшему с докладом начальнику Войскового штаба Макаренко посоветовал «подождать». В результате затеянная не ко времени амбициозная несуразность переросла постепенно в «вопрос», обсуждавшийся на заседании Правительства. Лишь после того, как Войсковой штаб запросил Верховное командование о дальнейших действиях, и оттуда пришёл резкий недвусмысленный ответ, Макаренко пошёл на попятную и приказ отменил.

Неказачья часть Областного Комитета<sup>111</sup>, сильно поредевшая из-за «дезертирства» большинства её членов, время от времени напоминала о своём существовании, оглашая очередное заявление о бойкоте того или иного решения «узурпаторов», отстранивших её от власти.

Что касается горцев, то их лидеры ориентировались на существующую власть. Ещё в августе был создан Кубанский областной горский совет во главе с Султан Шахим-Гиреем, в целом лояльный Войсковому правительству.

Налаженная жизнь между тем катилась своим чередом. Область благополучно и без заметных потрясений пережила и июльские события, и муниципальные выборы, и Московское Государственное совещание<sup>112</sup>, и даже выступление Корнилова. Но в сентябре развал центральной власти стал если и не свершившимся фактом, то уж в повестку дня поставлен был определённо. И сейчас же раскол, о котором многие начали уже забывать, напомнил о себе чередой негативных последствий.

Инициатива Каледина по созданию Юго-Восточного Союза казачьих войск на Кубани встречена была далеко не так однозначно, как предполагалось. Иногородние видели в ней очередной виток «казачьего заговора». В то же время и казачья «спилка» отнеслась к проекту с заметной прохладцей. Союз ставил крест на объединении с оформлявшейся на глазах «незалежной» Украиной, и поэтому не представлялся для этих людей оптимальным вариантом.

<sup>111</sup> В дальнейшем термины «Областной Совет», «Областной Комитет» следует относить к лишённым власти, но продолжающим функционировать «неказачьим» составляющим бывших представительных учреждений Кубани. К середине октября при перевыборах большинство мест в Совете получили большевики, и председателем Исполкома был избран член РСДРП(б) И.И. Янковский.

<sup>112</sup> От Кубани в Столицу выезжали К.Л. Бардиж, Н.С. Рябовол и И.Л. Макаренко. Там они во всём поддержали Донского атамана А.М. Каледина. Возвратившись, кубанские делегаты сделали доклад о Московском совещании на собрании созданного Войскового Совета. Выступая перед Советом, Рябовол сказал следующее:

– Только при федеративном строе России казаки могут рассчитывать на автономию и на самостоятельное распоряжение своими землями и прочими угодьями.

От каких-либо резолюций собрание воздержалось, но слово «федерация» было произнесено с самой высокой трибуны, и это запомнилось.

Созванная во второй половине сентября в Екатеринодаре общеказачья конференция представителей Донского, Кубанского и Терского войск выступила в защиту Корнилова<sup>113</sup> и Каледина, упрекнула Временное правительство в том, что оно провозгласило Россию Республикой, а не *республикой федеративной*, 25 сентября продекларировала создание Юго-Восточного Союза, но принять Устав Союза поручила следующей казачьей конференции, которую предполагалось созвать уже во Владикавказе<sup>114</sup>.

Положение начинало постепенно ухудшаться. Авторитет правительственных органов падал с каждым днём. Расквартированные на крупных железнодорожных станциях запасные пехотные части никому, кроме избранных комитетов, не подчинявшиеся, на фронт отправляться не желали и негативного отношения к Войсковой власти не скрывали. И начали поступать первые сообщения о захвате земли крестьянами.

Влияние большевиков между тем возрастало. Ещё в июне Екатеринодарская организация насчитывала всего несколько человек<sup>115</sup>, и после июльских демонстраций их положение явно не улучшилось. 14 июля военная секция Областного Совета приняла резолюцию с требованием закрыть большевистскую газету «Прикубанская правда» и арестовывать «всех, ведущих агитацию против войны и против Временного правительства<sup>116</sup>». Какое-то время «ленинцы» находились в Екатеринода-

---

<sup>113</sup> В резолюции в частности говорилось: «...всё вселяет впечатление, что и дело о мятеже ген. Корнилова может оказаться также результатом планомерного предательства и провокации борющихся за власть ответственных и безответственных лиц и организаций...

...конференция настаивает на самой широкой гласности расследования дела ген. Корнилова с включением в Комиссию представителей казачьих Войск... иначе казачество сделает свои самостоятельные выводы по этому делу...»

<sup>114</sup> Договор о создании Юго-Восточного Союза был подписан 20 октября.

<sup>115</sup> Среди них Елена Полюян, Ф.Я. Волик, М.Ф. Власов, И.Н. Янковский, Родионов, Руденко, Зенкевич.

<sup>116</sup> 16 июля типография газеты была разгромлена, несколько человек арестованы. 22 июля депутаты-иногородние Областного Совета потребовали от Войскового правительства прекратить преследование большевиков. Однако, 27 июля редакция «Прикубанской правды» была разгромлена вновь, секретарь и ряд работников арестованы.

ре на полулегальном положении. На открывшемся 4 августа в Пятигорске объединённом Северо-Кавказском съезде Российской социал-демократической партии делегатов-меньшевиков присутствовало 14 человек, интернационалист – один и большевиков девять, что для последних являлось несомненным тактическим успехом<sup>117</sup>. Выборы же в Городскую Думу, напротив, закончились для них серьёзной неудачей. 6 августа «ленинцы» получили 17 мест, в то время как «социалистический» блок, эсеры и меньшевики – 61 место.

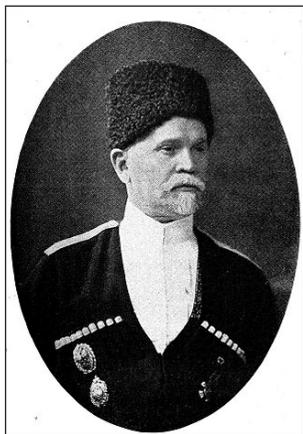
Но уже не количество мест в представительных органах определяло степень влияния той или иной политической партии. Неудача Корниловского выступления, окончательное разочарование во Временном правительстве большинства населения и зримо уже ухудшавшаяся день ото дня ситуация неизбежно выталкивали целеустремлённых, деятельных большевиков на лидирующие позиции<sup>118</sup>.

Сразу же вслед за Корниловским выступлением в Екатеринодаре начальник городской милиции Выдра санкционировал разгром комитета РСДРП(б). В ответ на это Областной Совет ходатайствовал перед Краевым Советом в Тифлисе (Северо-Кавказским) о направлении воинской части «для защиты от казачьей контрреволюции». В результате в городе обосновался отдельный артиллерийский дивизион под началом большевика Колпы. На гарнизонном собрании Филимонов пытался уговорить артиллеристов добровольно разоружиться, но те наотрез отказались. Временное правительство об этом инциденте даже не поставило в известность. К этому времени К.Л. Бардиж по

---

<sup>117</sup> На предложение меньшевиков объединить усилия и действовать совместно большевики ответили категорическим отказом, и 6 августа их делегация покинула Съезд.

<sup>118</sup> В конце сентября в результате перевыборов в исполком неказачьей части Областного Совета большевики получили уже 20 мест, в то время как меньшевики и эсеры вместе – 15. Возглавил исполком большевик Ян Полуян (по возвращении из ссылки был назначен на должность начальника 4-го отделения милиции Екатеринодара, с которой снят Исполнительным Комитетом в конце мая). Екатеринодарский комитет РСДРП(б) сумел провести делегатом на II съезд Советов также своего кандидата А.А. Лиманского. В городском Совете Армавира большевики в октябре завоевали до половины мест, и на съезд Советов направлен был также «ленинец» Э.М. Балода.



А.П. Филимонов

сути уже состоял при Войсковом правительстве в роли не комиссара, а скорее, советника. Наблюдал, но в дела уже не вмешивался.

Наступала пора подобрать обрушавшуюся власть, и делать это надо было незамедлительно. Тем более что своего стремления ровно к тому же не скрывали уже и большевики. 24 сентября в Екатеринодаре начала работу Войсковая Рада. И основным в повестке был вопрос «о самоуправлении и управлении<sup>119</sup>». Ставшая традиционной неудовлетворительная подготовка

не помешала делегатам принять в итоге значимые решения.

Рада восстановила должность выборного Войскового атамана, однако ограничила его влияние. Атаман избирался Большой Войсковой Радой и являлся высшим представительным лицом от Войска и высшим военным начальником. В то же время его приказы в обязательном порядке визировались председателем Правительства<sup>120</sup>, которого в свою очередь избирала Законодательная Рада (малая). Она же утверждала членов Правительства, но из кандидатов, представленных Председателем. Приказ о назначении Правительства подписывали Атаман совместно с Председателем.

<sup>119</sup> Вот что говорил на одном из заседаний член Союза казачьих Войск Новосильцев: «При создавшемся положении создать государственную власть в России невозможно. Власть должна быть создана в провинции, в областях, а уж отсюда она направится к центру и там образуется. Необходимо провести в жизнь, быть может, суровые и жестокие меры, но только это может спасти страну от гибели...» Эта идея «оздоровления России с окраин» в казачьих областях пользовалась определённой популярностью.

<sup>120</sup> Позже Председателем Краевого правительства был избран Л.Л. Быч, бывший городской голова Баку, Главно-уполномоченный по делам продовольствия Кавказского фронта, плехановец. Любопытно, что членом Правительства по внутренним делам стал бывший комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж. Членом Правительства по военным делам по настоянию казаков-фронтовиков был избран полковник генерального штаба Н.М. Успенский. Однако долгое время он не мог прибыть в Екатеринодар с фронта из Персии.

Идея не допустить чрезмерной концентрации власти в одних руках возможно и была здоровой, но в обстановке надвигающегося хаоса могла привести лишь к бездеятельности исполнительной власти.

Далее Рада рассмотрела вопрос о том, кого следует считать «полноправными», то есть наделёнными избирательными правами, гражданами. «Черноморцы<sup>121</sup>» настаивали считать таковыми только лишь казаков. «Линейцы» – всех, проживавших в Области до начала войны. В итоге приняли компромиссное решение: считать полноправными гражданами казаков, жителей городов и коренных крестьян, что симпатий к казакам у основной массы крестьянства не прибавило и дало лишний повод большевикам для агитации против Правительства.

5 октября проект федеративного управления на Кубани был Радой принят в виде оформленных законодательно «Временных положений». Кубанская область стала теперь именоваться Кубанским краем, Войсковое правительство и Войсковая Рада – соответственно Краевыми.

Для выбора Атамана были предложены две кандидатуры – К.Л. Бардижа и А.П. Филимонова. 11 октября вновь избранным Атаманом Кубани стал Филимонов. Было устроено торжественное совещание, на котором Атаман выступил с краткой вступительной речью. На соборной площади после молебна ему была вручена Атаманская булава. По древней запорожской традиции старейший член Рады Ф.А. Щербина посыпал ему голову дорожной пылью<sup>122</sup>. Все сгруппировались вокруг вновь избранного спустя многие десятки лет Атамана и сфотографировались в знак казачьего единства. Скобцов свидетельствует: людей охватили самые мрачные предчувствия.

Но дело было, конечно, уже не в них.

---

<sup>121</sup> Такое название закрепилось за объединённой группой «ура-казаков» и украинско-кубанской «спилки», в большинстве из богатых станиц Черноморья (нынешнее Кубанское Приазовье). Умеренных называли «линейцами». Они представляли не столь зажиточные станицы, расположенные вдоль старой и новой Линий (по правым берегам Кубани и Лабы).

<sup>122</sup> Нужно было грязью, но дождь не шёл несколько дней, и грязи не нашли...

15 октября в Армавире съезд Советов Северного Кавказа, на котором тон задавали большевики, 16 голосами против 10 принял резолюцию, в которой требовал расторжения Юго-Восточного союза и объединения Кубанской, Терской, Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний с областным центром Советов Северного Кавказа во Владикавказе. Советы, даже и те, в которых большевики оставались ещё в меньшинстве, требовали передачи им всей полноты власти.

Однако сами Октябрьские события к немедленному перевороту на Кубани не привели. Дон прикрывал вновь образованный *Край* с севера, местные большевистские организации ни организационно, ни психологически к открытой вооружённой конфронтации оказались не готовы. Вся последующая череда партийных конференций, работа большевиков на всевозможных разного уровня съездах неказачьего населения, в том числе и Краевых, сводилась к одному – передаче власти Советам *мирным путём*<sup>123</sup>. Лишь много позже, когда расклад сил изме-

<sup>123</sup> Та же тактика была применена большевиками и в Черноморской губернии, где их позиции выглядели куда предпочтительнее. Уже в силу того, что больше половины населения проживало в городах, крупных промышленных центрах с портами. Здесь, в отличие от Кубани, исключая Туапсе, основной движущей силой при первоначальном установлении Советской власти были рабочие, а не солдаты.

В Новороссийске, где Совет традиционно был эсеро-меньшевистским (на начало марта из 108 избранных его членов большевиков было лишь трое), большевистская организация во главе с А.А. Яковлевым (к большевикам примыкала и группа левых эсеров во главе с Серадзе) оказалась немногочисленна и слаба. Какой-либо планомерной работы не велось. Однако и портовые рабочие, и солдаты гарнизона настроены были весьма решительно. Пока большевики вели между собой дискуссию, брать ли власть в свои руки (противники решительных действий напоминали о том, что представительные органы – целиком эсеро-меньшевистские, а гарнизон подготовлен и готов противодействовать выступлению), Городская Дума 14 ноября сформировала из эсеров, меньшевиков и кадет «Революционный комитет» под председательством городского головы Вильнера. Пользуясь полной неопределённостью, бывший комиссар Временного правительства Н.С. Долгополов распорядился перевести все ценности из Новороссийска в Екатеринодар, однако они были Советом задержаны, а самому Долгополову пришлось скрываться.

23 ноября в городе открылся Губернский съезд Советов. Почти сразу произошёл раскол, в результате которого меньшевики и эсеры покинули Съезд. В результате Съезд продекларировал передачу власти в руки Совета. В Ис-

нился и в распоряжение большевиков оказались многие тысячи хлынувших с фронта солдат, они изменили тактику.

#### **6.4.2. Октябрь. Собрание сил**

28 октября А.М. Каледин объявил о непризнании Доном Совета Народных Комиссаров и принятии на себя всей полноты государственной власти в Донской области. На Кубани Рада 26 октября также объявила себя верховной властью «впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России». Но от публичных высказываний в адрес СНК как Правительство, так и Атаман воздерживались. Между тем легализация власти была необходима. Не столько уже в силу тактических соображений, а по причине, ставшей вдруг реальной, перспективы вооруженного столкновения. И, прежде всего, в самом Екатеринодаре.

На Сенном базаре не без участия солдат артдивизиона был убит казачий офицер. А.П. Филимонов<sup>124</sup> использовал это как повод к началу решительных действий. В ночь на 1 ноября по приказу Атамана юнкерами Казачьего военного училища и 80-ю казаками Атаманского конвоя без единого выстрела был разоружён и вскоре расформирован артиллерийский дивизи-

---

полнительный комитет были избраны большевики: А.А. Рубин (заведующий комиссариатом финансов), Михайловский, П. Лосев, А.А. Яковлев (административный комиссариат), А.Е. Худанин, Рено, Усакин, левые эсеры Языков, Серадзе (комиссариат по военно-морским делам) и внепартийный социалист Кириченко.

В дальнейшем вновь избранные комиссары в сопровождении красногвардейцев приезжали к представителям «старой» власти и без особых возражений принимали у них дела. Власть в Новороссийске перешла к Совдепу «под расписку».

В Туапсе же, напротив, Совет был «завоёван» уже к 20 октября, а исполком во главе с «ленинцем» Самарским почти целиком состоял из большевиков. Более того, в руках большевиков оказался и гарнизон. Был образован ВРК, и в ночь на 2 ноября власть в городе без единого выстрела перешла к Совету.

Бескровным получился переворот и в Сочи, где в конце ноября был организован Ревком, взявший власть в свои руки 5 января 1918 г.

<sup>124</sup> Участвовал в разоружении и К.Л. Бардиж. Пока ещё в качестве комиссара несуществующего уже Временного правительства.